

DOI: <https://doi.org/10.31648/apr.7127>

Дата подачи статьи: 20 июня 2021 г.

Дата принятия к печати: 20 августа 2021 г.

ПОЛЯКИ НА СЛУЖБЕ РУССКОГО ЦАРЯ

Сергей Лазарян

Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия

<https://orcid.org/0000-0002-2440-7118>

e-mail: aflost@yandex.ru

Аннотация: В статье идет речь о поляках, служивших на Кавказе в российских войсках или гражданскими чиновниками на протяжении почти всего XIX века. Независимо от того, каким образом поляки попадали в этот край, по собственной воле, в качестве представителей «экономической эмиграции», или вопреки ей, в качестве рекрутов-конскриптов или арестантов, они много поспособствовали экономическому и социокультурному освоению этого края, укоренению там начал европейской цивилизации. Исследуя биографии таких поляков, можно с большой уверенностью отметить, что они сделались частью жизни Кавказского края, вписав свои имена в скрижали местной истории. Крайне сложно выявить фактическое число поляков, участвовавших в покорении Кавказа, как и трудно сказать, осознавали ли эти люди свою роль в данном процессе, но результат есть результат – поляки помогли России завоевать этот край, превратив его в неотъемлемую часть российского государства.

Ключевые слова: поляки, Кавказ, ссыльные, служба, Российская империя, горцы

Submitted on June 20, 2021
Accepted on August 20, 2021

POLES IN THE SERVICE OF THE RUSSIAN TSAR

Sergey Lazarian

Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-2440-7118>

e-mail: aflost@yandex.ru

Abstract: This article deals with Poles who served in the Caucasus in the Russian troops or as civilian officials throughout almost the entire 19th century. Regardless of how the Poles came there, of their own free will, as representatives of “economic emigration”, or, conversely, as recruits-conscripts or prisoners, they contributed a lot to the economic and socio-cultural development of the land, which has been identified with the roots of the European civilization. While studying the biographies of such Poles, it can be noted with great confidence that they became a vital part of the life of the Caucasian region, having inscribed their names in the annals of local history. It is extremely difficult to identify the actual number of Poles who participated in the conquest of the Caucasus, just as it is difficult to say whether these people were aware of their role in this process, but the result is indisputable – the Poles helped Russia to conquer this region, turning it into an integral part of the Russian state.

Keywords: Poles, Caucasus, exiles, service, Russian Empire, highlanders

В 30–50-х гг. XIX в. из Польши в Грузию стали прибывать чиновники, педагоги, купцы, участники т.н. «экономической эмиграции». Расселялись они как в Тифлисе, в Кутаиси, Гори, Телави, Батуми и многих других местах. Среди тех, кто искал лучшей доли на Кавказе были также инженеры, музыканты, врачи и художники. Они надеялись преуспеть за счет гражданской или военной службы, поскольку у образованных поляков в местных условиях почти не было конкурентов. Эту категорию людей привлекали льготы, которыми имперские власти стремились привлечь нужный им в крае служебный люд. Для поляков, прежде всего, представителей многочисленной безземельной шляхты-голоты, большей частью уроженцев Подолии, Галиции, Волыни, Белорусии, данная ситуация была одним из способов сохранить свой шляхетский статус и содержать в достатке свои семейства.

Гражданская служба в России не была легким занятием ни по содержанию, ни по организации её бюрократического устройства. Особое положение составляло управление Кавказом, большей частью укомплектованное чиновниками, которые в первую очередь имели единственной целью прослужить в крае только определенный срок за полученный чин коллежского асессора, а потом оставляли службу. Едва ли кто решался после 3-х лет службы служить ещё 7 лет, чтобы получать треть пенсии в качестве надбавки. Приезд новых чиновников на Кавказскую линию и в Закавказье после 1832 г. чрезвычайно уменьшился. В силу этих обстоятельств приезд поляков на Кавказ был хорошим решением для имперских властей. Поэтому у поляков всегда были шансы для карьерного роста.

Имперские власти не препятствовали полякам в возвращении им утраченных ранее прав их дворянского достоинства, если они своей службой и поведением выказывали свою лояльность России. В то же время после Ноябрьского восстания 1830-1831 гг. в Царстве Польском, многим представителям польской безземельной шляхты приходилось доказывать своё дворянское происхождение и получать подтверждение своего статуса в Департаменте герольдии. Данная мера позволяла имперским властям исключить из дворянского сословия наиболее радикальные элементы, настроенные исключительно враждебно к России и одновременно, производить отбор тех, кто способен был к лояльности.

Пример механизма реализации данной меры можно было наблюдать по указу Правительствующего Сената от 14 апреля 1847 г. № 5344 Минскому губернскому правлению, где объявлялось, что лица бывшей польской шляхты, не представившие до 1 января 1844 г. в Дворянские депутатские собрания доказательств на дворянское свое происхождение, на основании решения Государственного Совета, Высочайше утвержденного 27 марта 1847 г. обязаны были подавать о себе ревизские сказки по званию граждан или однодворцев в Казенную палату. Неисполнение данного требования до 1 января 1848 г. вело к переводу таких людей в разряд государственных крестьян с соответствующими данному сословию обязанностями [ГАСК, Ф.68. Оп.1. Д.534. Л.1-1 об.].

Некоторые поляки делали на Кавказе блестящие карьеры, несмотря на то что для них он был совершенно чужим, незнакомым краем. Таким был Альберт Артурович Иедлинский, прослуживший в кавказских войсках с 1845 по 1878 гг. Будучи выходцем из Галиции, начал службу в австрийской имперской армии, где находился до 32-летнего возраста. В 1845 г. А.А. Иедлинский попросился на русскую службу. Австрийская служба была слишком пресной

и скучной для его энергичной натуры. Кроме того, молва гласила, что он был побочным сыном графа Артура Яновича Потоцкого, жил на широкую ногу и довольно быстро прокутил всё наследство, полученное от графа и, чтобы поправить свое материальное положение записался в российскую службу. Он достаточно быстро выучился русскому языку, изучил топографию тех мест Кавказа, где ему приходилось действовать с войсками, быстро приунылся к новым для него условиям. Ему благоволил князь-наместник М.С. Воронцов. Тому объяснением может служить то обстоятельство, что женами графа А.Я. Потоцкого и князя М.С. Воронцова были родные сестры Екатерина и Елизавета Браницкие. В связи с этим А.А. Иедлинский не был совсем чужим человеком для князя-наместника. Но расположение это не давало особых привилегий, поскольку М.С. Воронцов тут же вовлек А.А. Иедлинского испытать судьбу в несчастном для русских Даргинском походе против горцев летом 1845 г., где Иедлинский был ранен, но никогда не унывал, обладал бездной юмора и всегда оживлял сложную ситуацию, снимая каким-нибудь каламбуром возникавшую напряженность, грозившую потерей духа. Испытания отпрыск А. Потоцкого выдержал с честью, но потом много и шумно кутил в Тифлисе, за что князь М.С. Воронцов перевёл его в Моздокский казачий полк поручиком, где тот не преминул прославиться замечательным наездником и слыл даже между линейными казаками отменным джигитом.

Далее за него говорил послужной список: начинал службу в мае 1845 г. поручиком по кавалерии Отдельного Кавказского корпуса (ОКК). Уже через 3 месяца за отличие в сражении с горцами был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени. Ещё через 5 месяцев (1846 г.) производится в штаб-ротмистры; в 1847 г. – ротмистр; в 1848 г. – награждён орденом Св. Владимира 4-й степени; в 1849 г. производится в майоры и награждается орденом Св. Анны 2-й степени; в 1850 г. назначается командовать Лабинским казачьим полком.

Такая быстрая карьера свидетельствовала о незаурядных способностях и храбрости А.А. Иедлинского, который сумел выдвинуться на первые роли среди кавказских героев ОКК, которых трудно было чем-либо удивить. Он быстро получил доверие от корпусного командования, которое поручило ему командовать полком после всего 5 лет пребывания в войсках. В 1852 г. он – подполковник и назначается командиром Моздокского казачьего полка и одновременно ему поручается командование 8-й бригадой Кавказского линейного казачьего войска; в 1857 г. – награждается орденом Св. Анны 2-й степени с короной и назначается командовать 9-й бригадой Кавказского

линейного казачьего войска и одновременно 6-м Сунженским казачьим полком; в 1858 г. – полковник; в 1860 г. – награждается орденом Св. Владимира 4-й степени, бриллиантовым перстнем с вензелем ЕИВ, и ему поручается начальствование над Осетинским (Владикавказским) округом; в 1861 г. награждается золотым оружием; в 1862 г. – генерал-майор; в 1863 г. – начальник Восточного отдела; 1865 г. награжден орденом Св. Станислава 1-й степени и исполняет должность помощника начальника Кавказской кавалерийской дивизии; в 1867 г. награжден единовременной суммой в 2 418 рублей серебром; 1869 г. – орден Св. Анны 1-й степени и Высочайше пожаловано в вечное и потомственное владение 1 000 десятин земли в Кубанской области; в 1871 г. – орден Св. Анны 1-й степени с короной; в 1874 г. – орден Св. Владимира 2-й степени [Марков 1911, I, 203-208]. С 1874 г. он состоял при Кавказской армии, а с 1876 г. – лично при генерал-фельдмаршале князе Барятинском. В генерал-лейтенанты произведен 1 января 1878 г. Почти сорок лет прослужил Иедлинский на Кавказе. Этот край стал его судьбой. Там он и умер 6 июня 1878 г., до последнего дыхания оставаясь в строю (похоронен во Владикавказе).

Все свои отличия и награды А.А. Иедлинский получал, состоя ни при штабах, а в действующих отрядах войск. Помимо выдающейся храбрости в войсках очень ценили его ум, сообразительность и находчивость в минуты смертельной опасности. Многие ценили в нем непритворную правдивость, гордость и достоинство. Он никогда ни перед кем не заискивал. Кроме того, А.А. Иедлинский обладал неподражаемым чувством юмора, облекал свои слова и реплики «в такую остроумную форму, что лица, к которым они относились, не сразу догадывались о соли, заключавшейся в сказанной фразе» [Марков 1911, II, 320; III, 588]. Шутки Иедлинского с удовольствием обсуждали в войсках и в российском кавказском обществе. У него было также немало завистников и врагов, но все столкновения всегда заканчивались в его пользу, т.к. «слишком очевидны были его боевые заслуги, слишком било всем в глаза, что при всех столкновениях правда всегда была на стороне Иедлинского» [Марков 1911, I, 206].

Несколько иной была карьера Феликса Лисовского, который оказался на Кавказе не по своей воле. В 1828 г. за участие в тайном обществе «Сарматское племя, или приверженцы отечества» Феликс Лисовский вместе с Константином Захом и Адамом Тржасковским (Trzaskowski), будучи студентами Виленского университета, были арестованы и после следствия и суда, который назначил им наказание в виде 50 ударов шпицрутенами (Лисовскому-25 ударов), отданы в солдаты в ОКК, где поступили рядовыми в 44-й егерский

полк, командиром которого был полковник А.Г. Пацковский. С ними прибыл также бывший учащийся Виленской гимназии Викентий Захватович, которого отдали в солдаты за намерение выпускать фальшивую монету и «за дерзкую готовность покуситься на жизнь ректора Виленского университета» [РГВИА, Ф.395. Оп.140. Д.77. Л.1-1 об.]. На Кавказ Викентий Захватович попал по предписанию цесаревича Константина Павловича.

Далее необходимо сказать несколько слов о командире 44-го егерского полка. Андрей Григорьевич Пацковский, поляк, сын Стародубского помещика Григория Пацковского, родился в Вильно. Начал службу на Кавказе с 1805 г. Находясь на службе и участвуя во многих войнах, приобрел имя храброго и распорядительного офицера. Служил под началом князя П.Д. Цицианова, генерала А.П. Ермолова и барона Г.В. Розена. Каждый чин брал с боя. Будучи полковником при начале командования Кавказским корпусом А.П. Ермоловым, был назначен сначала комендантом Тифлиса, а затем с 1825 г. командиром 44-го егерского полка, действовавшего в Абхазии. Это назначение служило в пользу хорошего мнения о полковнике А.Г. Пацковском, какое имел о нем генерал А.П. Ермолов, назначавший командовать полками с большим разбором. Полковник А.Г. Пацковский был направлен в Абхазию не только управлять, но устраивать эту территорию. Он построил укрепления Бомборы, Пицунду, Драны, Илори и Гагры [Дьячков-Тарасов 1910, 161]. В 1827 г. за проявленную распорядительность и храбрость был награжден орденом Св. Станислава 4-й степени. В 1829 г. с 2-мя батальонами егерей, 4-мя орудиями и 500 человек гурийской милиции ходил к берегу Черного моря к укрепленному турецкому завалу Лиман и участвовал в разгроме турок. В августе 1830 г. за отличие в сражении получил орден Св. Георгия 4-й степени, а в июне 1831 г. – орден Св. Анны 2-й степени. В 1835 г. А.Г. Пацковский был произведен в генерал-майоры и назначен командовать войсками в Абхазии, а затем был начальником Ахалцихской провинции. Его служба прервалась в 1839 г. – он был исключен из состава армии за смертью. Абхазы очень любили генерала А.Г. Пацковского, а солдаты его могли безбоязненно заходить в самые отдаленные селения, оставаясь невредимыми и всюду встречали гостеприимство [Дьячков-Тарасов А. 1910, 162].

Вступив в службу в 44-й егерский полк, Феликс Лисовский, Константин Зах, Адам Тржасковский и Викентий Захватович попали в добрые руки полковника А.Г. Пацковского. По отзывам непосредственных начальников с самого поступления на службу в 44-й егерский полк они стали «известны похвальным поведением и отличным усердием к службе» [РГВИА, Ф.395.

Оп.140. Д.77. Л.1-1 об.], за что командир полка А.Г. Пацковский просил корпусного командира произвести их в унтер-офицеры. На рапорте корпусного командира военный министр граф А.И. Чернышев начертал резолюции о согласии с данной просьбой.

Командир полка хотел немного посодействовать молодым людям, вопреки данному ему в 1831 г. предписанию, «дабы он усугубил секретный надзор за всеми присланными в сей полк лицами, принадлежащим к тайным обществам» [Шадури 1958, 212]. В Российской армии унтер-офицерам, прослужившим 2 года в солдатах, разрешалось жить не в казармах, а на частной квартире. Таким образом бывшие студенты Виленского университета получали возможность использовать свое свободное от службы время с пользой для собственного развития, направив его на изучение края, обычаев и языков местных горских народов и отчасти освободиться от жесткого быта казарменного существования. Ф. Лисовский, А. Тржасковский и К. Зах участвовали в войне против персов в 1828 г. и против турок в 1828–1829 гг., а затем их перевели в батальоны Черноморской береговой линии.

Дальнейшая судьба Феликса Лисовского прослеживается по формулярному списку, составленному в 1834 г., когда нашему герою было от роду 28 лет. Римско-католического исповедания, вступил в службу рядовым 1 июня 1828 г., а затем, после расформирования 44-го егерского полка был переведен в Черноморский линейный батальон № 6, кроме которого проходил также службу в таковых батальонах № 4, № 5, № 8, № 9. Неоднократно принимал участие в военных операциях и походах против турок в составе отряда генерал-майора К.Ф. Гессе, участвовал в осаде и взятии крепости Потти. Был в войсках, занявших Гурию и в перестрелке с неприятельскими партиями горцев на территории крепости Св. Николая. За проявленные усердие и храбрость был награжден серебряной медалью.

Летом 1830 г. под командой того же генерал-майора К.Ф. Гессе был в десанте против абхазцев при высадке в Гагрской бухте. Летом и осенью 1834 г. находился в составе войск, продвигавшихся от Кутаиси через Мегрелию для прокладки сухопутного сообщения в Абхазию и возведения укреплений в Илоре и Дранде. Его товарищи, в частности А. Тржасковский и К. Зах долгое время служили вместе с Ф. Лисовским. В том же 1834 г. Ф. Лисовскому и К. Заху поручалось провести рекогносцировку Гагринского ущелья. В дальнейшем служба и личные способности каждого из них разбросала их по разным воинским подразделениям.

Из отношения корпусного командира Г.В. Розена к дежурному генералу Главного штаба от 24 января 1835 г. стало известно, что унтер-офицера

Феликса Лисовского, назначенного к переводу в Тенгинский пехотный полк, по ходатайству командира Абхазским отрядом полковника А.Г. Пацковского, решено было оставить в составе Черноморского линейного батальона №6 для выполнения инженерных работ при устройстве укреплений и зданий для нижних чинов «по уважению тому, что за неимением в Абхазии инженерного офицера, делают ему по способностям его разные поручения» [РГВИА. Ф.395. Оп.140. Д.77. Л.10].

Бомборы были выстроены и имели вид большого параллелограмма с бастионом. Внутренняя часть была разбита на 6 правильных кварталов и застроена небольшими чисто выбеленными домами, длинными казармами и провиантскими магазинами. По мнению А.Н. Дьячкова-Тарасова, «политическое и стратегическое положение Бомбор давало возможность наблюдать за страной» [Дьячков-Тарасов А. 1910, 162] и полностью контролировать ситуацию. Недостатком крепости было то, что она была выстроена на глинистом грунте и солдаты гарнизона сильно страдали малярийной лихорадкой. Кроме того, были выстроены также редуты на берегу моря для склада провианта, на речке Хипсте – для охраны полковых лошадей, пасшихся там; на речке Мцыше – для защиты водяной мельницы.

С 1 по 30 мая 1836 г. по решению корпусного командира барона Г.В. Розена, уже хорошо знавшего Ф. Лисовского по его незаурядным способностям в инженерном деле и познаниях в топографии, он был направлен в командировку для рекогносцировки берегов Черного моря. В составе отряда штабс-капитана Назимова унтер-офицер Ф. Лисовский осматривал местность от Гагр к мысу Адлер. Во время этого исследования участвовал в перестрелках с горцами и штурмовал завалы, и был контужен пулей в правый висок. «За отличие против горцев» 3 августа 1836 г. Ф. Лисовский был произведен в прапорщики [*Западный Кавказ в первой половине XIX века...* 2019, 14].

В декабре 1836 г. прапорщик Ф. Лисовский во время обозрения тропинок, пролегавших по высотам Гагрского хребта, под прикрытием команды из 224 человек нижних чинов, находившихся под командою капитана Подгурского (поляка), был атакован горцами. Толпа горцев набросилась на арьергард и боковоекрытие отряда, но была остановлена ружейным огнем, а потом рассеяна. При этом капитан Подгурский заметил, что значительное число неприятелей скопилось на направлении, по которому отряд начинал восхождение в горы, готовясь устроить отряду засаду. Поэтому по окончании исследований Ф. Лисовского капитан Подгурский повел отряд по иному направлению. Горцы, заметив это, бросились за отрядом, но настигли его только тогда, когда он миновал наиболее опасные места. Горцы стали сбра-

сывать на солдат с окрестных вершин камни. От камнепада был убит один солдат, а прапорщик Ф. Лисовский получил ранение [РГВИА, Ф. 846. Оп.16. Д.6323. Л.12-20 об.]. В феврале-апреле 1837 г. Ф. Лисовский снова направлялся в командировку для осмотра горских окрестностей и ведения топографической съемки, которая завершилась также перестрелкой с горцами.

В мае 1837 г. Ф. Лисовский был в отряде барона Г.В. Розена при покорении Цебельды, которую штурмовал в составе 8-ми тысячного отряда. Для управления этой территорией «соответственно обычаям и понятиям жителей» прапорщик Черноморского линейного батальона №5 Феликс Лисовский был назначен приставом. Выбор корпусного командира не был случайным, поскольку во время продолжительной службы в Абхазии, Феликс Лисовский хорошо познакомился с характером и обычаями местных народов и мог даже объясняться с цебельдинцами на их языке. Кроме того, он овладел и грузинским языком. Уже это само по себе было редкостью в войсках. Кавказское военное начальство всегда испытывало большие затруднения с подбором нужных офицеров, владеющих туземными наречиями, которым можно было бы поручить начальствование над горскими народами.

От приставов требовались не только добротные профессиональные знания, но, прежде всего, особые нравственные качества представителя империи, воплощавшего собой справедливость, честность и доброжелательное участие в судьбах туземных народов, которых часто многим назначенцам не хватало, что в конечном счете способствовало неудаче их миссии. Важность именно нравственной стороны в деятельности приставов определялась также тем, что «место пристава не доставляло в то время никаких выгод в служебном отношении, вызывая между тем большие расходы на лазутчиков и вооруженную стражу, тогда как не все пристава получали жалование, и ничем не вознаграждая постоянных забот, опасностей и лишений» [Юров 1886, X, 271].

После своего назначения приставом у цебельдинцев прапорщик Ф. Лисовский 16 мая 1837 г. направил докладную записку командиру ОКК барону Г.В. Розену с просьбой о необходимых ему средствах для управления Цебельдой и изучения края [РГВИА, Ф.14719. Оп.3. Д.178. Л.47-47 об.]. Он просил корпусного командира, дабы можно было «с большим умением действовать в Цебельде соответственно видам правительства», назначить ему средства не только для приличного содержания, которое соответствовало бы достоинству русского чиновника, но и для сближения с цебельдинцами быть в состоянии не отказывать им в некоторых подарках.

Имея там приятелей, можно обозреть край, узнать о преднамерениях жителей и действовать посредством этих приверженных людей на других цебельдинцев. А, поскольку, там господствовал исламизм, было бы полезным, если правительство одного из местных священнослужителей, пользующихся лучшим уважением у цебельдинцев, приласкав какими-нибудь подарками, сделать орудием действий пристава.

Для пользы дела, надо чтобы находились при приставе, по крайней мере, 6 человек цебельдинцев, которые со своими выгодами служили с пользой и усердием, составляя приставу стражу и были проводниками при перевозке бумаг. Ф. Лисовский также просил для этих людей купить новое горское платье. Кроме того, самому приставу требовалась покупка 3-х лошадей для разъездов, черкесское платье, вооружение и конская сбруя. Эта просьба была вызвана тем, что из-за недавнего производства в офицеры Ф. Лисовский не имел каких-либо личных средств.

Для ведения делопроизводства пристав просил назначить к нему писаря с канцелярскими припасами, а для производства топографической съемки просил отражательную буссоль и чертежные принадлежности. Также просил прислать все имеющиеся сведения о Цебельде и карту Цебельды с обозначенными окрестными племенами, составленную полковником Генерального штаба Нордестамом. Наконец пристав просил прислать к нему дворянина Бзыбского округа Коташ Лакобу в качестве переводчика с абхазского языка.

Должность приставов среди горских народов помимо всего прочего, требовала немалой выдержки, дипломатических качеств и храбрости. 3 июня 1839 г. прапорщик Ф. Лисовский производится в подпоручики за отличия по службе. Ему удалось погасить ссору между двумя партиями местной княжеской фамилии Маршаниа. В рапорте корпусного командира А.Е. Головина военному министру графу А.И. Чернышеву было отмечено, что «пристав благоразумными мерами, с приверженными нам князьями Цебельдинскими, прекратил междоусобие и остановил кровопролитие» [АКАК, 1884, IX,490].

В 1840 г. произошел инцидент, который едва не привел к гибели цебельдинского пристава. Достигнутое было согласие между князьями Маршаниа снова разрушилось действиями одного из них – князя Шабата, который превратил семейную ссору в возмущение против правительства. Князь Шабат, склонив на свою сторону всю Нагорную Цебельду (Дал) и Псху, напал на своих братьев. Другая партия из 60 человек напала на жилище пристава, подпоручика Ф. Лисовского, который вместе с шестью донскими казаками и пятью поселенцами мужественно защищался от нападавших. Во время этого боя подпоручик Ф. Лисовский был ранен пулей в голову и двумя

шашечными ударами в щеку и подбородок. Мужественные защитники были спасены подошедшей подмогой, оказанной пристава лояльными к русским цебельдинскими князьями. Израненного пристава Ф. Лисовского доставили в Сухум для перевязки ран. После чего подпоручик Ф. Лисовский снова отправился в Цебельду с отрядом. Он сообщил, что в Цебельде голод и мятежники не смогут долго содержать людей, которые могли бы прийти им на выручку. Кроме того, такая помощь невозможна была из-за полноводности реки Бзыбь, которая отрезала на время Абхазию от других частей Кавказа.

По прибытии в Цебельду отряда подполковника В.М. Козловского (поляка), милиции князя Михаила Шервашидзе и цебельдинских князей, верных российским властям, мятежники были рассеяны. Пристав Ф. Лисовский вступил в переговоры с князем Шабатом в селении Джиша, куда Шабат прибыл по вызову пристава. От князя Шабата взяли аманатов и поручителей в его безусловной покорности. Девять почтеннейших представителей Дальского ущелья принесли присягу на Коране в покорности правительству. Под присмотром 2-х рот Мингрельского полка во главе с подполковником В.М. Козловским и командой донских казаков жители Дальского ущелья в Марамбе восстановили и отстроили заново разрушенный дом пристава таким образом, чтобы дом был способен к обороне, возвратили все похищенное и разграбленное [РГВИА, Ф.846. Д.6417. Л.7-17; АКАК, 1884, IX, 492].

После выказанной незаурядной выдержки, храбрости и стойкости подпоручик Ф. Лисовский 10 октября 1840 г. был произведен в поручики. В декабре 1840 г. поручик Ф. Лисовский помог отряду генерала-майора Н.Н. Муравьева благополучно совершить переход от крепости Сухум-кале в Цебельду, предоставив самые верные топографические сведения. За проявленное усердие Ф. Лисовский был отмечен производством в штабс-капитаны. В 1841 г. он командовал отрядом цебельдинской милиции.

Приставство его длилось с 1837 по 1841 гг. Ф. Лисовский приобрел в Цебельде расположение и уважение многих главных лиц среди местных жителей. Эти связи для него были вернее всяких проводников и ручательств [ГАКК, Ф.260. Оп.1. Д.297. Л.13-15]. Побывал во всех ущельях и населенных пунктах Сванетии и составил глазомерную карту. В 1842 г. По приказу Военного министра графа А.И. Чернышева совершил двукратный переход через Главный Кавказский хребет – из Абхазии на Лабинскую линию. Штабс-капитан Ф. Лисовский сделал описание путей сообщения по южному склону Большого Кавказского хребта, что давало возможность открыть удобное сообщение через Кавказский хребет из Цебельды в Карачай и Теберду и соединить Сухум с Пятигорском и Ставрополем.

Исследования станового хребта было связано с большими опасностями, которые преследовали Ф. Лисовского и его спутников на каждом шагу. Они подвергались угрозе смерти или тяжелой неволе среди непокорных племен. Сама природа беспрестанно угрожала им смертью: крутые скалы, быстрые потоки на всем пути, выюга и жестокий мороз в снежных сугробах Главного хребта, наконец, голод, вставали на их пути. Ф. Лисовский заболел, обморозил обе ноги и левую руку, получил сильный ревматизм в плече и в бок [РГВИА, Ф.14719. Оп.2. Д.910. Л.1-1 об.].

Добравшись до ближайшего госпиталя, который находился в укреплении Махошевском, штабс-капитан Ф. Лисовский получил посильную медицинскую помощь, но одновременно оказался под сильным подозрением у местного военного начальства, которое ограничило его свободу до выяснения всех обстоятельств его миссии. Проблема возникла из-за того, что, отправляясь в горы, Ф. Лисовский забыл соответствующие сопроводительные документы в исходном пункте своего движения. Будучи сопровождаем группой горцев, он не мог не вызвать подозрений у военных властей.

Для разъяснения ситуации Ф. Лисовский обратился с рапортом к командующему Черноморской береговой линии генералу-майору И.Р. Анрепу, в котором просил снестись с начальником Правого фланга Кавказской линии генерал-майору С.Д. Безобразову и подтвердить, что он действительно состоит на службе в Черноморском линейном батальоне №9; что исправляет должность старшего адъютанта в Штабе управления начальника Черноморской береговой линии и действительно отправлен в командировку по воле Военного министра. Кроме того, штабс-капитан Лисовский просил, чтобы генерал-майор Безобразов распорядился выдать ему подорожную и денег на прогоны при возвратном пути до Тамани [ГАКК, Ф.260. Оп.1. Д.297. Л.35-37].

Генерал-майор С.Д. Безобразов по получении рапорта от начальника Черноморской береговой линии приказал выдать Ф. Лисовскому испрашиваемые им документы через командира линейного батальона № 4 и 20 червонцев [РГВИА, Ф. 13454. Оп.6. Д.1150. Л.1-2]. По представлению командованию результатов своего исследования, штабс-капитан Ф. Лисовский удостоился благодарности, а после ознакомления с ними в Петербурге, император Николай I на листе № 41 сделал помету: «Весьма важный во всех отношениях любопытный труд». Рядом была приписана помета Военного министра: «Его Величество изволил читать 18 мая. Высочайше повелено штабс-капитана Лисовского произвесть за отличия в капитаны» [РГВИА, Ф.38. Оп.4. Д.429. Л.41-41 об.]. Производство состоялось 21 мая 1843 г.

Из-за большого напряжения сил и многочисленных ран Ф. Лисовский вынужден был выйти в отставку майором. В 1851 г. он ушел из жизни 45-ти лет от роду. Однако пока остается не выясненным, когда именно состоялась отставка, где он жил после отставки и где похоронен. Кроме чинов Ф. Лисовский был отмечен командованием двумя орденами: Св. Станислава 3-й степени в 1842 г. и Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость».

Адам Тржасковский десять лет прослужил в Абхазии рядом с Феликсом Лисовским в нижних чинах в убийственном климате. В 1838 г. был произведен в прапорщики. Как отмечал Г.И. Филипсон, оба эти поляка были хорошо образованы, жили дружно, как братья. Несчастье солдатчины только закалило их характер [Филипсон 2000, 161].

Как человек образованный и с исследовательскими наклонностями (изучил грузинский язык, быт и жизнь жителей Гурии) Адам Тржасковский обратил на себя внимание начальников и был назначен заведовать канцелярией управляющего Абхазией, Мегрелией и Гурией генерала Я.М. Эспехо. Некоторое время А. Тржасковский состоял офицером для особых поручений при абхазском владетеле князе Михаиле Шервашидзе [РГВИА, Ф.14719. Оп.3. Д.217. 1843 г. Л.10]. В 1840-х гг., когда Абхазия вошла в состав Черноморской береговой линии, начальник Штаба линии генерал Г.И. Филипсон взял А. Тржасковского в свой штаб старшим адъютантом. В этой должности, по словам начальства, Адам Тржасковский работал толково и усердно. Адъютанты руководили канцеляриями, то есть заведовали делопроизводством в штабе или управлении. Адъютанты, состоящие лично при генерале, командующем какой-нибудь частью войск или заведующем какой-либо частью военного управления Русской армии, должны были всюду следовать за своим генералом и выполнять его поручения, а также заниматься ведением корреспонденции, приёмом и передачей указаний и распоряжений, развозить письменные и словесные приказы военачальника, в походе и бою находиться при военачальнике безотлучно и оставлять его только для исполнения его поручений [*Полковой адъютант*, online].

Перед началом всякой экспедиции в горы генерал Г.И. Филипсон посылал А. Тржасковского на пароходе по всем укреплениям собирать всех разжалованных, желающих участвовать в военных действиях. Таковых обычно набиралось до 200 человек. Многие из них были поляками. В шутку эту команду называли иностранным легионом. А. Тржасковский часто был их командиром. Этот легион лез в огонь и воду, чтобы отличиться и выбиться из своего незавидного положения. Многим это удавалось [Филипсон 2000, 161].

В 1843 г. Адам Тржасковский – капитан. Будучи офицером – исследователем, выступал со статьями о сословном устройстве в Гурии в газете «Кавказ» [Тржасковский 1847, XL,156–157]. В 1850-е выходит в отставку в чине майора и служит управляющим имениями жены генерала Н.Н. Раевского [АКАК, 1904, XII, 12].

Константин Зах прошел путь от рядового до прапорщика сапёров. Служба его большей частью проходила в Дагестане. Он, как и его товарищи по Виленскому университету, много интересовался языками и традиционным бытом местного населения, владел персидским и тюркским языками. В 1846 г. он погиб под обвалом во время ремонта дороги вместе со своими подчиненными [Боголюбов 2008,36].

Российские власти совершенно не препятствовали служебной карьере поляков и не обходили наградами, находившимся в рядах Отдельного Кавказского корпуса, независимо от оснований их пребывания на Кавказе. Определенная первоначальная настороженность в отношении к полякам исчезала сразу же после их участия в делах против горцев. По большей части поляки всегда выказывали отменную храбрость и распорядительность, хорошую воинскую выучку, что неизменно находило отражение в приказах по корпусу и в объявлениях, печатавшихся на страницах газеты «Кавказ», официального органа кавказской администрации, находившейся в Тифлисе.

Взяв на выбор несколько номеров этого печатного издания за 1846 г., в которых была помещена информация о наградах, произведенных Российским императором по представлению кавказского наместника князя М.С. Воронцова за участие в делах против горцев в 1845 г., можно было встретить немало польских фамилий. Так, орденом Св. Анны 3-й степени с бантом был награжден штабс-капитан Прагского пехотного полка Скоповский, того же полка подпоручик Пашковский; орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» были награждены подпоручики Шимановский, Гаевский, Осмоловский; орденом Св. Анны 2-й степени награжден майор Мингрельского егерского полка Лисовский [*Высочайшие приказы по Военному ведомству* 1846, II, 5].

Кроме того, поляки активно продвигались по службе. Из подполковников в полковники в 1846 г. был произведен командир Горной № 3 батареи 14 артиллерийской бригады Годлевский; командир подвижного Запасного артиллерийского парка капитан Кончевский производился в подполковники; юнкер Юркевич – в прапорщики; егерского Литовского полка поручики Лехницкий и Островский – в штабс-капитаны, подпоручик Хельмицкий – в поручики, прапорщики Малявский и Стефанович – в подпоручики;

егерского Люблинского полка штабс-капитан Ковальковский – в капитаны, юнкера Томашевич, Ковальский и Кучевский – в прапорщики; полка имени генерал-адъютанта князя А.И. Чернышова прапорщик Навроцкий – в подпоручики, поручик Гостиминский – в штабс-капитаны, юнкер Броденский и унтер-офицер Липский – в прапорщики; полка имени генерала-адъютанта М.С. Воронцова прапорщик Бардичевский – в подпоручики, унтер-офицеры Кучковский и Лашевский – в прапорщики; инженерного корпуса 5-го саперного батальона подпоручик Корватовский – в поручики; объявлено Высочайшее императорское благоволение подпоручику Прагского пехотного полка Подревскому за отличие в делах против горцев [*Высочайшие приказы по Военному ведомству* 1846, IV, 13].

За отличие по службе унтер-офицер Кавказского линейного батальона № 1 производится в прапорщики из юнкеров Миткевич, Костюшко-Волюжевич, из портупей-юнкеров в прапорщики – Вилькашевский. Переводились в полки и батальоны: из Кавказского линейного батальона № 2 в Грузинский батальон № 3 прапорщик Сезеневский, из Кавказского линейного батальона №16 в Апшеронский пехотный полк майор Вержицкий.

Не оставлялись на произвол судьбы заслуженные воины. После увольнения от службы по невозможности её продолжения из-за ранений их повышали в звании и назначали соответствующий пенсион. Так, например, уволенный из пехотного генерал-фельдмаршала князя Варшавского полка поручик Жельский получил отставку с производством в штабс-капитаны с правом ношения мундира и пенсионом полного жалования [*Высочайшие приказы по Военному ведомству* 1846, VII, 26]. Кроме того, присутствие на Кавказе выходцев из Царства Польского можно было выявить из скорбных списков умерших, исключенных из состава полков за 1846 г.: из Тифлисского егерского полка прапорщик Плачковский и плац-адъютант Эриванской крепости капитан Клопотовский.

Вышеприведенная информация является лишь небольшим примером военной службы поляков на Кавказе. Чтобы представить полный перечень участия поляков в деле покорения Кавказа, пришлось бы цитировать все номера газеты «Кавказ», выходившие за весь период существования этого издания (1846–1917 гг.). Вообще среди поляков на Кавказе было много отличных офицеров и солдат. «Они были заметнее других, потому что их положение придавало им особую оригинальность» [Филипсон 2000,161].

Своеобразной получилась служба на Кавказе у Франца Вояковского, которому удалось достаточно быстро выбиться из солдатской шинели. В 1843 г. за проявленную храбрость он производится в прапорщики. В этом

же году «за отличие против горцев произведён в подпоручики». 21 апреля 1848 г. «за отличия, оказанные в делах и перестрелках 1847 года, бывших на Черноморской береговой линии, награждён орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» [Матвеев 2007, IV, 22–31]. В 1853 г. Франц Вояковский – поручик и начальник укрепления Гостогаевского. Начальники и сослуживцы знали его как человека развитого и распорядительного по службе. Он интересовался бытом горцев (черкесов), заводил с ними через переводчиков разговоры во время сотовок (торговля, обмен с горцами Кавказа), даже приобрел среди них кунаков, которых нередко угощал водкой с закуской. Как отмечал Н. Дьячков-Тарасов, «ласковое обращение воинского начальника расположило к нему горцев, а кунаки нередко предостерегали Вояковского о замыслах своей молодежи против гарнизона и его скудного стада коров» [Дьячков-Тарасов Н. 1904, X, 317]. Это позволило ему принять превентивные меры, провести подготовительные работы перед нападением большой партии натухайцев и шапсугов на укрепление Гостогаевское, произошедшее на рассвете 26 июля 1853 г.

Гарнизон укрепления, благодаря стратегическим упущениям генерала-майора И.Л. Дебу и полковника Миронова был до смешного мал. Укрепление Гостогаевское имело слабый гарнизон, состоявший из гренадерской роты Черноморского линейного № 1 батальона с 1 орудием и около 300 человек. Ф. Вояковский скрытно поставил гарнизон под ружье. Оружие было роздано всем, кто мог с ним управляться, в том числе, провиантской команде и некоторым лазаретным служителям.

Для подноса патронов и зарядов поручик Ф. Вояковский обратился с просьбой к семьям солдат. Женщины и дети изъявили полное понимание и готовность помогать гарнизону. Патроны и заряды были доставлены к батареям. На рассвете укрепление подверглось атаке горцев, которые волна за волной накатывались на него с визгом и гиканьем для устрашения защитников. На батареях стало не хватать воды. Вездесущий поручик Вояковский, перебегавший с места на место с резервом в 30 человек, являлся всегда на помощь тем, кому особенно было трудно. Он снова обратился к солдатским женам, и они поднесли воду на батареи, где время от времени вспыхивали рукопашные схватки с горцами, взбиравшимися на стены укрепления.

Понеся большой урон, нападавшие переменили образ своих действий. Они рассредоточились вокруг укрепления в удобных местах и стали обстреливать его ружейным огнем. Поручик Франц Вояковский приказал усилить огонь батарей, зная, что горцы не смогут долго выдержать такого огня, и одновременно надеясь, что орудийный грохот подаст знак в станицу

Витязевскую и в Анапу, из которых придет помощь. Во второй половине дня 26 июля 1853 г. к Гостогаевскому подошли две сотни казаков, а к вечеру две роты солдат. Потеря гарнизона составила 47 человек. Во рвах укрепления было найдено 78 трупов горцев, а вокруг его по кустам еще более 200. Подошедшие роты стали рыть большие ямы для погребения убитых горцев. Начальник гарнизона и многие офицеры и солдаты были награждены командованием: офицеры – очередными званиями и орденами. Поручик Ф. Вояковский – штабс-капитан и орден Св. Георгия 4-й степени, «нижним чинам строевым и нестроевым по 3 рубля серебром и на раздачу отличившимся 6 знаков отличия военного ордена; женам и детям по 1 руб., а жене поручика Булича золотую медаль за усердие и пенсию по жизнь, по жалованью мужа» [Зайончковский 2002, II, 201; Дьячков-Тарасов Н. 1904, X, 320].

А. Боголюбов, опираясь на В. Шлизовску, сообщает, что в 1858 г. Ф. Вояковский получил высочайшее позволение выйти в отставку и вернуться на родину [Боголюбов 2008, 68]. Однако мы не имеем информации, воспользовался ли Ф. Вояковский этой монаршей милостью. После окончания военных действий на Северном Кавказе управление краем все больше становилось гражданским, но с военным уклоном. Поэтому оно называлось – военно-народное управление. Энергичность и распорядительность Ф. Вояковского нашли свое применение на новом поприще. В 1866–1869 гг. Ф. Вояковский – полковник, начальник Кумыкского округа Терской области. Начальника округа обычно назначал начальник Терского областного управления из числа офицеров Кавказской военной администрации. Начальнику округа принадлежала вся полнота власти на территории: военная, административно-полицейская, хозяйственная. Начальник округа в военное время формировал воинские подразделения из местных жителей, организовывал поставку лошадей в кавалерийские части, реквизировал у населения скот и продукты для нужд войск. В мирное время он следил за состоянием боевой готовности воинских подразделений, дислоцированных на территории округа, руководил работой всех подразделений административной системы округа. Кроме того, контролировал исполнение обязанностей помощников по управлению, участковых начальников, сельских старшин, членов окружного и сельских судов. Под надзором окружного управления находилось школьное образование и культурно-просветительская деятельность.

Исполняя свои служебные обязанности по проведению в жизнь требований Петербурга, связанных с распространением в Терской области крестьянской реформы, полковник Ф. Вояковский потребовал от горских владельцев освободить ясырей (рабов) и представить ему свои соображения

на каких началах и когда можно будет это осуществить [ЦГА РД, Ф.105. Оп.1. Д.44а. Л.3]. Будучи начальником Кумыкского округа Терской области, Ф. Вояковский вынужден был участвовать в решении судьбы князя Хасая Уцмиева из деревни Бота-юрт, генерал-майора русской службы, пожелавшего эмигрировать в Турцию. В 1869–1871 гг. Ф. Вояковский – начальник Кабардинского округа. В 1871 г. – генерал-майор. На родину не вернулся. Умер во Владикавказе в 1887 г.

Представленные в статье имена и биографии поляков – это лишь малая часть из того обширного массива имен и биографий, связанных с польским присутствием на Кавказе в XIX веке, которые ждут дальнейших исследований. Имена этих людей долго не были востребованы как в России, так и в Польше. Виной тому стали социально-политические события, в которые были погружены общества обоих государств. В России после октябрьского переворота 1917 г. и последующим развитием коммунистической государственности и общественно-политической системы перестали нуждаться в героях бывшей царской империи.

События, совершившиеся в Польше в 1918 г., связанные с возрождением государства (*polskie dwudziestolecie*), затем Вторая мировая война и годы оккупации страны, послевоенное коммунистическое правление также мало нуждались в поляках, связавших свою судьбу с Кавказом.

Теперь (2021 г.) ситуация изменилась как в России, так и в Польше. Осознание непрерывности своей истории и необходимости восстановления её страниц в полном объеме, без купюр и фальсификаций, позволяют надеяться на то, что все факты, связанные с нашей общей историей, не канут в туну.

Поляки, жившие и действовавшие на Кавказе, принадлежат мирам – польскому, российскому и кавказскому. Они в равной степени со всеми другими представителями Российской империи преобразовывали Кавказский край, утверждали там не только власть русского царя, но и основы европейской цивилизации. Эти люди за малым исключением никогда не забывали о своем польском происхождении, где бы и на каких бы поприщах не трудились. Потому они не могут не быть интересными сегодняшней Польше, как и не могут быть забыты в России.

БИБЛИОГРАФИЯ

- АКАК. 1884. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 9. Тифлис: Тип. Главного управления наместника кавказского.
- АКАК. 1904. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 12. Тифлис: Тип. Главного управления наместника кавказского.

- Боголюбов Александр. 2008. *Поляки на Северном Кавказе в XIX–XX вв.* Краснодар: Кубанский государственный университет.
- Высочайшие приказы по военному ведомству.* 1846. «Кавказ» № 2: 5.
- Высочайшие приказы по военному ведомству.* 1846. «Кавказ» № 4: 13.
- Высочайшие приказы по военному ведомству.* 1846. «Кавказ» № 7: 25.
- ГАКК. Государственный архив Краснодарского края. Фонд 260. Канцелярия начальника Черноморской береговой линии.
- ГАСК. Государственный архив Ставропольского края. Ф 68. Ставропольское губернское правление.
- Дьячков-Тарасов Николай. 1904. *Черноморская кордонная, Черноморская береговая линия и правый фланг Кавказа перед Восточною войною – в 1853 году (Военно-исторический очерк).* «Кубанский сборник» Т. 10.
- Дьячков-Тарасов Александр. 1910. *Абхазия и Сухум в XIX столетии.* Т. 20. Вып. 2. Тифлис: «Известия Кавказского отдела ИРГО».
- Западный Кавказ в первой половине XIX века: по материалам Ф.Я. Лисовского и В.Л. Чуркина. Сборник архивных документов.* 2019. Сост. Цвижба Л.И. Москва: Наука – Вост. лит.
- Зайончковский Андрей. 2002. *Восточная война 1853–1856.* Т. 2. Санкт-Петербург: «Полигон».
- Марков Владимир. 1911. *Генерал-лейтенант А.А. Иедлинский.* «Русская старина» № 1: 203–208.
- Марков Владимир. 1911. *Генерал-лейтенант А.А. Иедлинский.* «Русская старина» № 2: 320.
- Марков Владимир. 1911. *Генерал-лейтенант А.А. Иедлинский.* «Русская старина» № 3: 588.
- Матвеев Олег. 2007. *Поляки в укреплениях Черноморской береговой линии.* «Польские ведомости» № 4 (19): 22–31.
- Полковой адъютант в 1711–1918 гг.* (online) <http://www.imha.ru/1144543865-polkovoy-adyutant.html#Xs55pDAzaM8> (доступ 22.01.2021).
- РГВИА. Российский государственный военно-исторический архив. Фонд 38. Главное управление Генерального штаба.
- РГВИА. Российский государственный военно-исторический архив. Фонд 395. Инспекторский департамент.
- РГВИА. Российский государственный военно-исторический архив. Фонд 846. Военно-ученый архив. Коллекция.
- РГВИА. Российский государственный военно-исторический архив. Фонд 13454. Штаб войск Кавказской линии и Черномории.
- РГВИА. Российский государственный военно-исторический архив. Фонд 14719. Главный штаб Кавказской армии (1811–1865).
- Тржасковский Адам. 1847. *О сословиях Гурии (из записок капитана Тржасковского).* «Кавказ» № 40: 156–157.
- Филипсон Григорий. 2000. *Воспоминания 1837–1847 гг. В: Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века.* Сост. Гордин Я. Санкт-Петербург: Издательство журнала «Звезда»: 161.
- ЦГА РД. Центральный государственный архив Республики Дагестан. Фонд 105. Кумыкский окружной отдел комиссии по правам личным и поземельным туземцев Терской области. Управление Хасавюрта. 1890–1918 гг.
- Шадури Ваню. 1958. *Декабристская литература и грузинская общественность.* Тбилиси: Заря Востока.
- Юров Александр. 1886. *1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе.* «Кавказский сборник». Т. 10. Тифлис: 225–404.

REFERENCES

- АКАК. 1884. Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoy komissiej [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission]. Tiflis, Tip. Glavnogo upravleniya namestnika kavkazskogo. Vol. 9. (In Russian)
- АКАК. 1904. Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoy komissiej [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission]. Tiflis, Tip. Glavnogo upravleniya namestnika kavkazskogo. Vol. 12. (In Russian)
- Bogolyubov Aleksandr. 2008. *Polyaki na Severnom Kavkaze v XIX–XX vv.* [Poles in the North Caucasus in the 19th–20th centuries]. Krasnodar, Kubanskij gos. universitet. (In Russian)
- CGA RD. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Dagestan. Fond 105. Kumyjskij okružnoj otdel komissii po pravam lichnym i pozemel'nym tuzemcev Terskoj oblasti. Upravlenie Hasavyurta. 1890–1918 gg. [Central State Archives of the Republic of Dagestan. Fund 105. Kumyk district department of the commission on the rights of personal and land natives of the Terek region. Khasavyurt administration. 1890–1918]. (In Russian)
- D'yachkov-Tarasov Nikolaj. 1904. *Chernomorskaya kordonnaya, Chernomorskaya beregovaya liniya i pravij flang Kavkaza pered Vostočnoju vojnoju – v 1853 godu (Voенно-istoričeskij očerк)* [Black Sea cordon, Black Sea coastline and the right flank of the Caucasus before the Eastern War – in 1853 (Military-Historical Essay)]. "Kubanskij sbornik" Vol. 10. (In Russian)
- D'yachkov-Tarasov Aleksandr. 1910. *Abhazija i Suhum v XIX stoletii* [Abkhazia and Sukhum in the 19th century]. In: «Izvestiya Kavkazskogo otdela IRGO». Tiflis, vol. 20, pub. 2. (In Russian)
- Filipson Grigorij. *Vospominaniya 1837–1847gg.* [Memoirs of 1837–1847]. 2000. In: *Osada Kavkaza. Vospominaniya uchastnikov Kavkazskoj vojny XIX veka.* Ed. Gordin A. St. Petersburg, Izdatel'stvo zhurnala «Zvezda», p. 161. (In Russian)
- GAKK. Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja. Fond 260. Kanceljariya nachal'nika Chernomorskoj beregovoju linii [State Archives of the Krasnodar Territory. Fund 260. Office of the Chief of the Black Sea Coastline]. (In Russian)
- GASK. Gosudarstvennyj arhiv Stavropol'skogo kraja. F 68. Stavropol'skoe gubernskoe pravlenie [State Archives of the Stavropol Territory. F 68. Stavropol provincial government]. (In Russian)
- Markov Vladimir. 1911. *General-lejtenant A.A. Iedlinskij* [Lieutenant General A.A. Iedlinsky]. "Russkaya starina" no 1, pp. 203–208. (In Russian)
- Markov Vladimir. 1911. *General-lejtenant A.A. Iedlinskij* [Lieutenant General A.A. Iedlinsky]. "Russkaya starina" no 2, p. 320. (In Russian)
- Markov Vladimir. 1911. *General-lejtenant A.A. Iedlinskij* [Lieutenant General A.A. Iedlinsky]. "Russkaya starina" no 3, p. 588. (In Russian)
- Matveev Oleg. 2007. *Polyaki v ukreplenyah Chernomorskoj beregovoju linii* [Poles in the fortifications of the Black Sea coastline]. "Pol'skie vedomosti" no 4 (19), pp. 22–31. (In Russian)
- Polkovoj ad"jutant v 1711–1918 gg.* [Regimental adjutant in 1711–1918]. Available at: <http://www.imha.ru/1144543865-polkovoy-adyutant.html#.Xs55pDAzaM8> (Accessed 22 January 2021). (In Russian)
- RGVIA. Rossijskij gosudarstvennyj voенно-istoričeskij arhiv. Fond 38. Glavnoe upravlenie General'nogo shtaba [Russian State Military Historical Archive. Fund 38. Main Directorate of the General Staff]. (In Russian)
- RGVIA. Rossijskij gosudarstvennyj voенно-istoričeskij arhiv. Fond 395. Inspektorskij departament [Russian State Military Historical Archive. Fund 395. Inspection Department]. (In Russian)
- RGVIA. Rossijskij gosudarstvennyj voенно-istoričeskij arhiv. Fond 846. Voенно-učenyj arhiv. Kollekcija. [Russian State Military Historical Archive. Fund 846. Military Scientific Archive. Collection]. (In Russian)

- RGVIA. Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoričeskij arhiv. Fond 13454. Shtab vojsk Kavkazskoj linii i Chernomorii [Russian State Military Historical Archive. Fund 13454. Headquarters of the troops of the Caucasian line and the Black Sea coast]. (In Russian)
- RGVIA. Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoričeskij arhiv. Fond 14719. Glavnyj shtab Kavkazskoj armii (1811–1865) [Russian State Military Historical Archive. Fund 14719. General Staff of the Caucasian Army (1811–1865)]. (In Russian)
- Shaduri Vano. 1958. *Dekabristskaya literatura i gruzinskaya obščestvennost'* [Decembrist literature and the Georgian public]. Tbilisi, Zarya Vostoka. (In Russian)
- Trzhaskovskij Adam. 1847. *O sosloviyah Gurii (iz zapisok kapitana Trzhaskovskogo)* [On the estates of Guria (from the notes of Captain Trzhaskovsky)]. "Kavkaz" no 40, pp. 156–157. (In Russian)
- Vysochajšie prikazy po voennomu vedomstvu* [Supreme Orders for the War Department]. 1846. "Kavkaz" no 2, p. 5. (In Russian)
- Vysochajšie prikazy po voennomu vedomstvu* [Supreme Orders for the War Department]. 1846. "Kavkaz" no 4, p. 13. (In Russian)
- Vysochajšie prikazy po voennomu vedomstvu* [Supreme Orders for the War Department]. 1846. "Kavkaz" no 7, p. 25. (In Russian)
- Yurov Aleksandr. 1886. *1840, 1841 i 1842 gody na Kavkaze* [1840, 1841 and 1842 in the Caucasus]. "Kavkazskij sbornik" (Tiflis) Vol. 10, pp. 225–404. (In Russian)
- Zajonchkovskij Andrej. 2002. *Vostochnaya vojna 1853–1856* [Eastern War 1853–1856]. Vol. 2. St. Petersburg, Poligon. (In Russian)
- Zapadnyj Kavkaz v pervoj polovine XIX veka: po materialam F.Ya. Lisovskogo i V.L. Churkina. Sbornik arhivnyh dokumentov* [Western Caucasus in the first half of the 19th century: based on the materials of F.Ya. Lisovsky and V.L. Churkina]. 2019. Ed. Cvizhba L.I. Moscow, Nauka – Vost. lit. (In Russian)

